

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Акад. Н. С. ДЕРЖАВИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛГАРСКОГО НАРОДА И ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ *

I. Восточнобалканские славяне

На восток от сербского племени, имевшего своим центром Рашскую область (Раса), лежавшую между реками Ибар и Лим, — начиная на западе от линии: Охридское озеро, область Дебра и р. Болгарская Моравы, в верховьях р. Моравы, и вплоть до Черного моря — на востоке, шли поселения ряда славянских племен, объединявшихся характерными языковыми особенностями, отличными от сербского языка. Эти племена и легли в основу сложившегося здесь впоследствии восточнобалканского славянского народа, получившего имя — болгары. Это народное имя группа восточнобалканских племен получила от первой славянской политической организации на полуострове — болгарской державы Аспаруха, положившей в VII в. н. э. (679 г.) начало этнического объединения этих племен в болгарский народ.

Территория распространения восточнобалканских славян не ограничивалась, однако, только задунайскими рамками полуострова. В состав болгарского народа входило также и славянское население Валахии, Семиградья и восточной части Венгрии вплоть до Дуная, а также и славянское население в Греции. Конечно, эта обширная область распространения восточнобалканского славянского народа в древности, с VII в. — болгарского, не представляла собой в этническом отношении сплошной славянской территории: местами в нее были вкраплены поселения романизированных и грецизованных фракийцев, а также греков.

Среди этого славянского населения обычно различают три группы племен:

1. Северную, или мизийскую, группу, занимавшую территорию между реками Моравой и Тимоком на западе, Черным морем — на востоке, Дунаем — на севере и главным Балканским хребтом — на юге. В нее входили: придунайские северяне, или северы (в Делиормане, в окрестностях Шумена, а также на левом побережье Дуная, в южной Венгрии и Валахии); семь славянских племен в нижней Мизин, или подунавцы (*Δαυοβίος* — греческих источников), они же дунайцы киевского летописца. Эти семь славянских племен выступают в истории основоположниками первой славянской болгарской государственности на полуострове — Аспаруха. Вступив с ними в договорные отношения, в целях защиты государства от аваров, угрожавших ему нападением со стороны Венгрии, Аспарух поселил одну часть этих семи славянских племен по р. Мораве, откуда они получили имя мораване. К этим же семи племенам принадлежали и соседи мораван — тимочане — по р. Тимоку.

* Доложено на сессии по этногенезу славян в Институте этнографии АН СССР в декабре 1943 г.

2. Среднюю, или македонскую, группу, населявшую старую Македонию, которая в VII в. ввиду компактно населявших ее славянских племен была известна под именами:

Εχλαγίται, αἱ Εχλαγίται,

Slaviae. В состав этой группы входили: драговичи, или другувичи — на запад от г. Солуня, между Солунем и г. Веррея (Вер); сагудаты — рядом с другувичами; ринхины — где-то поблизости от Солуня; струменцы — на нижнем и среднем течении р. Струмы (Стримон); смоляне (совр. смиляне) — по среднему и верхнему течению р. Месты (Нестуг), в верховьях р. Арды, восточнее р. Струмы; бързаци, или бърсаки (совр. болг. бързаци) — в районе Кичево, Крушево, верхней Преспы, Прилепа и Велеса.

3. Южную, эпиро-фессалийскую, или пелопонесскую; эту группу славянских племен составляли ваюничы, велегезичы, миленцы, езерцы и др.

II. Аспаруховы болгары

Кто же такие по своей национальной принадлежности были аспаруховы болгары, сыгравшие, как утверждают, столь значительную организующую роль в жизни восточной группы славянских племен полуострова? Эта группа в VII в. пришла к образованию здесь первого славянского государства — Болгарии, к быстрой ликвидации славянской племенной раздробленности и к сформированию из множества раздробленных племен единого славянского болгарского народа.

Были ли аспаруховы болгары славянами или народом иной, не-славянской национальности? А если они были народом неславянской национальности, то каким же образом созданное ими на полуострове Болгарское государство оказалось славянской державой?

Эти вопросы стоят в центре внимания исторической науки, начиная со второй половины XVIII в. и вплоть до настоящего дня.

Одни из ученых считали древних, т. е. аспаруховых, болгар турками или турко-татарами (Шлёцер, 1771; Иоганн Тунман, 1774; Иоганн Энгель, 1791; русский историк Н. М. Карамзин, 1766—1826; проф. Ив. Шишманов, 1900; проф. Л. Нидерле, 1900, изменивший впоследствии свою точку зрения в пользу гуннской теории, 1923); другие называли их финнами (Френ, 1830—1832; Шафарик, 1837; В. Григорович, 1867). Русский ученый-славист А. Ф. Гильфердинг считал аспаруховых болгар родственниками вотяков и зырян (1868); Реслер — родственниками самоедов, юраков и остяков (1871); проф. М. М. Дринов — чудским или финским народом (1869, 1873); Куник считал их чувашами (1887).

В 1826 г. Клапрот доказывал угро-гуннское происхождение аспаруховых болгар. Эту же точку зрения в 1837 г. поддерживал Цейс, в 1898 г. — Ф. Маркварт, помещавший болгар после смерти Аттилы на территории между Днестром и Дунаем. В 1907 г. гуннское происхождение болгар доказывал болгарский ученый д-р Ценов; ее положили в основу своих капитальных трудов по истории сербского народа К. Иречек (1911), придерживавшийся ранее финской теории; по истории Болгарского государства — проф. В. Н. Златарский (1918 г.); ее же в 1929 г. повторил и проф. С. Младенов (в своем труде, посвященном истории болгарского языка), придерживавшийся ранее тюркской теории.

Ряд ученых склонны были видеть в аспаруховых болгарях славян: (французский ученый д'Оссон, 1828; русские ученые: Ю. Ив. Венелин, 1829; П. Бутков, 1840; Савельев-Ростиславич, 1845; Сергей Уваров, 1853; Д. И. Иловайский, 1876—1880; болгарский ученый Ганчо Ценов, 1930, отождествлявший фракийцев, гуннов, болгар и славян, и др.). Наконец, некоторые ученые, как, например, Френ (1832), склонны были видеть в болгарях этническую амальгаму из славянского, финского и турецкого народов, и т. п.

Так же разнородны были и попытки осмысления племенного названия «болгарин», т. е. истолкования его значения. Самая распространенная из этих попыток связывала племенной термин «болгарин» с именем р. Волги (Шлёцер, Карамзин, Венелин, Шишманов); другие (Рёслер) производили его от финского «люди воды»; третьи — от турецкого *булгамак* — смешивать, мутить, возмущать (Цейс, Томашек, Вамбери), четвертые — от татарско-болгарского *бийк* (турецкий *буюк*) — большой и *иер* — земля, страна, ввиду чего, будто бы, греческие писатели и называли волжскую Болгарию, Великой (Золотнической). По мнению проф. Шишманова, имя «болгарин» восходит к древнему финскому названию р. Волги, в позднейшем турецко-татарском произношении *болга*, осложненном турецко-татарским *ар* — муж, герой, откуда болгарин, по толкованию проф. Шишманова, дословно значит: муж с реки Волги, или волжанин¹.

III. Проблема культурного наследия аспаруховых болгар в современном болгарском языке

Вопросом о культурном наследии аспаруховых болгар в языке современных болгар специально занимался софийский профессор С. Младенов, который пришел к весьма интересным выводам. В 1921 г. он напечатал на болгарском и французском языках в «Годишнике» историко-филологического факультета Софийского университета (I, 1920—1921, стр. 201—287) и во французском журнале (*Revue des Etudes slaves*) (I, 1921, pp. 38—53) исследование под заглавием «Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новебългарската реч» («Вероятные и мнимые остатки языка Аспаруховых болгар в новоболгарском языке») и то же на французском языке в несколько сокращенной редакции «*Vestiges de la langue des protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne*» («Следы языка туранских протоболгар Аспаруха в современном болгарском языке»).

В вопросе о происхождении аспаруховых болгар проф. Младенов придерживался в это время так называемой турецко-татарской теории, которую при нынешнем состоянии науки, как он выражается, он считает единственно приемлемой (стр. 205). Уже проф. М. С. Дринов, придерживавшийся в вопросе о происхождении аспаруховых болгар так называемой финской («чудской») теории, утверждал, однако, в 1869 г., что в нынешнем болгарском языке и до настоящего дня не найдено какого-либо слова, о котором можно было бы сказать, что оно восходит к языку аспаруховых болгар.² Проф. Дринов подчеркивал при этом, что не только в современном болгарском языке не найдено такого слова, но что уже староболгарский язык IX—X вв., когда на этот язык было переведено большинство культовых книг и написано на нем много сочинений, свидетельствует о том, что в славяно-болгарских землях не существовало болгарско-чудского языка; в противном случае, говорит Дринов, невозможно было бы, чтобы в эти славянско-болгарские переводы и сочинения не проникло хоть какого-либо следа от этого языка³.

¹ Обстоятельный историко-библиографический обзор высказываний и мнений по вопросу о происхождении болгар, начиная с конца XVIII в., см. в обширной статье проф. И. Д. Шишманова, Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите, Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, София, 1900, кн. XVI и XVII. Научен отдел, стр. 505—753.

² М. Дринов. Поглед върхъ произхода на български народ к началото на българската история. Соч., т. I, София, 1909, стр. 48.

³ Там же. В примечании к этой цитате Дринов пишет: «Шафарик считает чудского происхождения следующие славяно-болгарские слова: кумир, капище, влъхв, припрат, сопел, мълния, чуд, исполин. Но Шафарик при этом вовсе не думает, что эти слова представляют собой остаток от языка аспаруховых болгар, и доказывает, что они вошли в славяно-болгарский язык значительно ранее, т. е. еще в то время, когда славяне жили в Северо-Восточной Европе и имели своими северо-восточными соседями чудские племена. Иначе и не могло быть, потому что если бы эти слова

Несколько раз после Дринова останавливался на этом вопросе, начиная с 1916 г., и другой крупнейший болгарский языковед, проф. Л. Милетич, и каждый раз решительно подчеркивал, что в нынешнем болгарском языке, который представляет собой от начала и до конца славянский язык, не сохранилось никаких следов от праболгарского языка, т. е. от языка аспаруховых болгар, представлявшего собой особое турецкое наречие⁴.

В 1900 г. на этом же вопросе останавливался и проф. Шишманов в названном выше исследовании «Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите». Подвергнув основательной чистке списки турецких заимствований в болгарском языке, составленные в 80-х годах Миклошичем, Шишманов нашел возможным признать в качестве заимствований (непосредственно из праболгарского языка завоевателей), вошедших в наиболее ранний период церковно-славянской литературы, только следующие несколько слов: баяти, бисер, болярин, бубрег, белъчуг, белег, пашенюг, сан, сосон, хаган, чрътог, но и этот список, по Шишманову, нуждался бы в дальнейшей чистке.

Проф. Младенов в цитируемой статье категорически утверждает на основании «тщательного просмотра всех слов, которые до настоящего дня назывались в качестве остатков праболгарского языка», что «в нынешнем болгарском народном языке нет ни одного нарицательного существительного, ни одного глагола, и ни одного слова, относительно которого было бы общепринято, что оно представляет собой непосредственный остаток языка аспаруховых болгар» (подчеркнуто везде автором.— Н. Д.).

Несколько староболгарских слов, вроде, например, чрътог или капище, и т. п., которые по всей вероятности, говорит проф. Младенов, представляют собой слова тюркских аспаруховых болгар, не сохранились в живых болгарских народных говорах. Сохранившиеся же в нынешнем народном болгарском языке слова, имеющие тюркскую этимологию, не встречаются вовсе в староболгарских языковых памятниках и рассматриваются некоторыми авторами не как подлинные остатки языка аспаруховых болгар, а как иные, более ранние или более поздние заимствования: гуннские, аварские, куманские или османско-турецкие. Тюркизм некоторых из этих слов отрицается, другие же встречаются и в некоторых других славянских языках, так что болгарское посредство в данном случае только вероятно, а не полностью доказано...⁵.

Подвергнув критическому изучению весь относящийся сюда лексический материал, проф. Младенов пришел к заключению, что посредственные следы языка аспаруховых болгар представляют собой следующие современные народноболгарские слова: българин, бисер,

вошли в славяно-болгарский язык от аспаруховых болгар, тогда они отсутствовали бы в языках других славянских народов, а их мы находим почти все в русском языке»... («Древности», § 30, 7). Конечно, цитируемая Дриновым точка зрения Шафарика о чудской принадлежности названных слов, равным образом, как и его утверждение о путях проникновения их в славянские языки, т. е. в русский и болгарский, из чудского, нас не может удовлетворить. Вероятнее всего и в славянских языках и в финском (чудском) языке одновременно этот лексический материал представляет собой общее древнейшее наследие, какого в финском и русском языках имеется небольшое количество.

Для окончательного решения вопрос нуждался бы, однако, в специальном лингвистическом исследовании.

⁴ Miletitch. La Macédoine bulgare. Aperçu historique et culturel, 1918, p. 18; то же на болгарском языке. «Македония, культурно-исторически преглед», 1918, стр. 20; его же. Статья, посвященная культурно-историческому очерку Болгарии в «Illustrierte Zeitung», 1916, № 3831, S. 147.

⁵ С. Младенов. Указ. соч., стр. 206.

болярин, белег (знак, метка), белчуг (кольцо, колесо), бѣбрег (почка животного), пашеног, тояга (палка), чипаг (род короткого женского платья без рукавов).

Непосредственными следами языка аспаруховых болгар в литературном болгарском языке проф. Младенов считает слова: капище, кумир, сан, чрътог.

Таким образом, весь запас культурного наследия аспаруховых болгар (народа, как полагают, турецко-татарского происхождения) в болгарском литературном языке выражается, по исследованию проф. Младенова, всего только в четырех словах, а в народном языке не оказалось никаких вообще следов встречи болгарских славян с тюрко-татарами, аспаруховыми болгарскими. Конечно, и принадлежность названных выше четырех слов к турецко-татарскому языку весьма сомнительна. Они гораздо старше самого турецко-татарского языка, все носят явный характер принадлежности к официальному языку правящих классов и никоим образом не разрешают проблемы о том, на каком языке говорили аспаруховы болгары, т. е. господствующие классы в аспаруховом обществе и народ; не разрешают они, тем более, и проблемы происхождения аспаруховых болгар. Если же эти четыре слова и устанавливают что-либо с несомненностью, то только то, что аспаруховы болгары не были тюрко-татарами; это, однако, не исключает возможности, что придворная аспарухова знать в качестве официального языка пользовалась каким-либо турецко-татарским языком⁶.

Как известно, автор классического труда «Славянские древности» (1837), Павел Шафарик, считал аспаруховых болгар народом финского или чудского происхождения. Эту точку зрения в 1869 г. принял и молодой тогда болгарский, впоследствии и русский ученый, профессор Харьковского университета, М. С. Дринов. Однако, несмотря на это, как мы видели выше, Дринов отнесся скептически к утверждению Шафарика о наличии в современном болгарском языке финских или чудских заимствований, а в следующей своей большой работе (1872 г.) «Заселение Балканского полуострова славянами», критикуя Шафарика, Дринов высказал предположение, что эти слова (кумир, капище, влѣхв, припрат, сопель, млѣния, чуд, исполин) южные славяне заимствовали у гуннов, оставшихся на Балканском полуострове после распада гуннской державы; частично южные славяне заимствовали их и у аваров⁷.

Подвергнув критическому исследованию лексический материал современного болгарского языка, рассматривавшийся сторонниками финского (чудского) происхождения аспаруховых болгар как финские заимствования в болгарском языке (влѣхв, исполин, капище, кумир, летъ, млѣния, припрат, сопель, чудъ, шудъ), проф. Младенов пришел к заключению, что в староболгарском и новоболгарском языках нет никаких финских заимствований. Слова: летъ, млѣния и сопель представляют собой, по Младенову, наследие общеславянской эпохи и имеют соответствия в других индоевропейских языках. Индоевропейского же корня и слова влѣхв, влѣхва, находящиеся, возможно, в какой-то зависимости от подобных слов в готском языке. Германские же корни кроются в именах исполин и шудъ (чудъ). Греч. *Πρόδροα*, вероятно, по Младенову, влияло на возник-

⁶ Слово «кумир» связывается Н. Я. Марром с племенным именем кимеров и рассматривается как их тотемное божество (Избр. соч., т. V, стр. 208), отложившееся в частности, «в названии древнейшего храма в Грузии *Нимур-до*, сооруженного, несомненно, на месте прежнего языческого культа *Кимур'а*» (там же, стр. 509).

⁷ С. Младенов. Мнимите фински думи в Български език. Сборник в чест на профессор Ив. Д. Шишманов. София, 1920, стр. 74—95.

новение терминов при прат, паперть и т. п. Наконец, кумир и капь (капище), очевидно, полагает Младенов, восточные слова: первое — семитическое, второе — тюркское, турко-татарское, аспаруховско-болгарское⁸.

Оставляя в стороне этимологические толкования Младеновым данной группы слов в современном болгарском языке, которым могут быть противопоставлены и другие толкования, опирающиеся на данные нового учения о языке, отметим, что самое существенное, что, во всяком случае, дает в своей статье Младенов, это разрушение финско-чудской, или урало-алтайской, теории происхождения аспаруховых болгар.

Таким образом, на основании рассмотренных выше лингвистических данных мы имеем все основания утверждать, что аспаруховы болгары не были ни турко-татарами, ни финно-уграми.

IV. Теория славянского происхождения аспаруховых болгар

Существует мнение, что аспаруховы болгары были славянами. Его разделяли, как отмечено было выше, целый ряд русских ученых во главе с Венелиным и Д. И. Иловайским⁹. На основании разносторонней критики тюрко-финской теории происхождения дунайских болгар и сравнительного изучения сбивчивых и противоречивых показаний византийских и латинских источников о гуннах, болгарях, массагетах, славянах и пр. Д. И. Иловайский пришел к следующим заключениям:

1. У византийских писателей VI в. болгары называются или общим именем гунны или частными именами — котрагуры, утригуры, ультизури и др.; у писателей VIII и IX вв. они называются смешанно то гуннами, то болгарями. У последних писателей появляется легенда о разделении болгар между пятью сыновьями Куврата и расселении их в разных странах только во второй половине VII в., принимаемая, без надлежащей критики, немецкой и славянской историографией за исторический факт, на котором основывается начальная история болгар. Между тем предыдущая история болгар и их движения на Дунай рассказаны писателями VI в. (Прокопием, Агафием и Менандром), но только они не употребляют имени болгары.

Новейшая европейская историография, по Иловайскому, упустила из виду ясно обозначенную в источниках родину болгарского народа, т. е. Кубанскую низменность, не заметила существования болгар таманских и таврических с IV до X в. включительно (т. е. с появления утригуров до известия о так называемых черных болгарях), а связывала дунайских болгар непосредственно с камскими и производила первых от последних. Так как коренные гунны принимались до сего преимущественно за племя угро-финское, а камские болгары тоже считаются финским народом; то историография объявила финнами и болгар дунайских. Но болгары вообще не были ни турками, ни уграми, а вопрос о коренных гуннах и смешанной народности камских болгар еще недостаточно разъяснен. Есть основания думать, говорит Иловайский, что последние были славяно-болгарской ветвью, постепенно утратившей свою народность посреди туземных татаро-финских племен. Признаки ее славянства отразились особенно в арабских известиях X в. (Ибн-Фадлан, Ибн-Хордадбе, Димешки).

2. Самым существенным (по Иловайскому) из области народного быта и нравов противоречием финской теории происхождения дунай-

⁸ Там же, стр. 95.

⁹ Ю. Венелин. Древние и нынешние болгары в отношении к россиянам. Историко-критические изыскания, т. I, М., 1829; т. II, 1841; Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, М., 1882.

ских болгар является быстрое и коренное превращение их в славян — превращение, замечает Иловайский, противоречащее всем историческим законам. Если бы болгары были финнами, пишет Иловайский, то они не могли бы так легко усвоить себе народность покоренного племени, тем более что болгары были не только господствующий, но и сильный, многочисленный народ. Близость подлинно финского народа, которым были мадьяры, должна была бы в данном случае подкрепить народность дунайских болгар, если бы они, действительно, были финнами. Между тем, с утверждением болгар на Балканском полуострове славянский элемент получил здесь могущественное подкрепление и началась сильная славянизация византийских областей.

3. Использование для подтверждения финской теории происхождения дунайских болгар личных имен древних болгар, толкование которых при этом отличается произвольным, односторонним и поверхностным характером, не может считаться, по Иловайскому, методологически оправданным, потому что, во-первых, имена дошли до нас большей частью в иноземной передаче, в искажении, без определенного их произношения; во-вторых, личные имена легче всего переходили и заимствовались одним народом у другого. Наконец, говорит Иловайский, в большинстве случаев есть возможность при ближайшем рассмотрении отыскать славянские основы в болгарских именах. Отсутствие сколько-нибудь заметной финской стихии в языке болгарского народа явно противоречит теории финноманов. А цветущая древнеболгарская, или церковно-славянская письменность, которой болгары наделили и другие славянские народы, окончательно уничтожает эту теорию¹⁰.

Итак, мы видим, что цитируемая работа Иловайского дает ряд весьма ценных и убедительных соображений, направленных против финоугорской теории этногенеза аспаруховых болгар, но его высказывания в пользу их славянского происхождения носят случайный характер, не убедительны и лишены конкретной обоснованности¹¹.

V. Гуннская теория происхождения аспаруховых болгар

В заключение своего сжатого обзора господствующих в буржуазной науке противоречивых мнений по вопросу о происхождении аспаруховых болгар, остановимся еще на особенно популярной сейчас на Западе и в Болгарии теории гуннского происхождения их. В прошлом, как мы видели выше, ее придерживались довольно крупные западноевропейские ученые, вроде Клапрота, Цейса, Маркварта, а сейчас ее разделяют крупнейший представитель исторической науки у болгар, проф. В. Н. Златарский, и один из современных виднейших представителей болгарской языковедной науки, софийский профессор С. Младенов. Первый на признании гуннской теории происхождения аспаруховых болгар построил свой капитальный труд по истории Болгарского государства¹², второй подчеркнул гуннскую теорию происхождения аспаруховых болгар в своем труде (1929 г.), посвященном истории болгарского языка¹³.

Главным основанием Маркварту для отождествления аспаруховых болгар с гуннами служило произвольно допущенное им отождествление сына Аттилы, Эрнака, с болгарским, дославянского периода князем

¹⁰ Д. Иловайский. Указ. соч., стр. 225—227.

¹¹ Подробнее о сложной фракийско-гуннско-болгарско-славянской теории Ценова, за отсутствием здесь места, мы останавливаемся специально в работах: «Происхождение славян» и «История болгар».

¹² В. Златарский. История на България през средните векове, т. I. Първо българско царство, ч. I. Епоха на гуннобългарското надмощие. София, 1918, стр. 679—852.

¹³ St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin—Leipzig, 1929.

Ирник о м, названным в числе других древнеболгарских князей в известном «Именнике» на втором месте после Авитохола¹⁴.

Эту точку зрения Маркварта, впрочем, бездоказательно, и развил Младенов в своей «Истории болгарского языка».

В качестве исходного пункта для своего построения Младенов использовал истолкование загадочных слов в «Именнике» древнеболгарских князей, данное в свое время известным венгерским востоковедом Вамбери, и столь же безоговорочно, как и бездоказательно, утверждал, что в Авитохоле надо видеть Атилу, а Ирник «Именника» — это исторически известный сын Атилы — Ирнах. Напомним, кстати, что, согласно расшифровке загадочных дат «Именника», сделанной Златарским, предполагаемый Младеновым Атила — Авитохол воцарился в 146 г. н. э., а его сын Ирник, предполагаемый Златарским же, — в 446 г. Исторический же Атила, как известно, умер в 453 г.

Об отношении древнейших византийских и латинских источников к проблеме этнической принадлежности древних болгар и связи последних с гуннами мы только что говорили при рассмотрении труда Иловайского. Для уточнения того же вопроса о происхождении аспаруховых болгар обратимся вкратце к истории.

В конце IV в. в области северного Причерноморья на арену европейской истории впервые выступает мощный народ — гунны, вернее — мощный политический союз целого комплекса племен и народов, приемников скифо-сарматской яфетической культуры, в состав которого входили и готы, и аланы, и славяне, и гунны. Это был гуннский союз племен и народов, хорошо известный в конце IV в. своими вторжениями через Дербентский проход в Закавказье, Месопотамию и Малую Азию. В самом начале V в. основные силы этого союза обособляются кочевьями на территории между реками Дунаем и Тиссой и отсюда предпринимают свои набеги и вторжения на запад и на восток, в дунайские области, на территорию Римской империи, которая уже в 425 г. была обязана выплачивать гуннам ежегодную дань. Наивысшего могущества обширная держава гуннов достигла при Атиле (435—453 гг.).

Годы, когда во главе гуннского союза стоял Атила, были чрезвычайно тяжелыми для Восточно-Римской империи. Атила беспощадно давил на нее своими разрушительными вторжениями, и византийское правительство было вынуждено ежегодно откупаться от него огромными денежными средствами, что, однако, не останавливало Атиллу от все более настойчивого и упорного наступления на Византию. В течение ряда лет, начиная с 441 г., Атила разгромил целый ряд важнейших опорных стратегических пунктов Византии, начиная с городов Виминациум (совр. сербский город Браничево) и Сингидунум (Белград) на северо-западе и кончая Херсонесом фракийским на юго-востоке, причем объектом гуннских нападений были не только северо-западные районы полуострова и Фракия, но также и северо-восточные области Нижней Мизии и Скифии (нынешняя Добруджа), где в числе городов, взятых гуннами, значится, между прочим, и Марцианополь, расположенный на территории Добруджи несколько западнее нынешнего города Варны.

Гуннский союз племен под властью Атилы включал в свой состав множество придунайских и причерноморских варваров, начиная от р. Тиссы на западе и кончая причерноморскими акацирами на востоке. В него входили: гепиды, остроготы, руги, скифы, свевы, болгары, паннонские и дакийские славяне, аланы и др. В последние годы своей жизни Атила обратил свои взоры

¹⁴ F. Marquart. Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

на запад, к Рейну, к Италии, к Орлеану, но потерпел здесь ряд серьезных военных неудач. В 453 г. Атила умер, и сколоченное им на огромном пространстве многоплеменное политическое объединение разнородных племен, часто имевших во главе собственных племенных вождей, вроде например гепидского конунга Ардариха, аланского вождя Кондака, остроготского вождя Баламира и др., быстро распалось в связи с выходом из него отдельных племен и племенных объединений с их собственными вождями, восставшими против сыновей Аттилы и сломившими их власть. Двое из сыновей Аттилы, Денгизих и Ирнах, обосновались со своими дружинами на нижнем левобережье Дуная, а когда вскоре после этого в 469 г. Денгизих погиб где-то в бою во время одного из своих вторжений на полуостров, единственным наследником Аттилы остался Ирнах. Хотя гунны и продолжали еще некоторое время владычествовать в районах нижнего левобережья Дуная и примыкающих к нему районах северного Причерноморья, в действительности это были племена, входившие некогда в великий гуннский союз, наводивший ужас на Римскую империю и подтачивавший основы ее рабовладельческого деспотизма. По традиции византийские авторы, вообще плохо разбиравшиеся в этнографии северных варваров, продолжали эти племена именовать гуннами, т. е. именем бывшего политического союза, в который они когда-то входили, смешивая их с гуннами, хотя с подлинными гуннами они никогда ничего общего не имели.

Этой участи не избежали и болгары, входившие некогда в состав гуннского союза. В результате этого имя болгар у византийских писателей VI в. (Прокопия Кесарийского, его современника Агафия и продолжателя Агафия — Менандра) не встречается вовсе: говоря о болгарях, они всегда называют их гуннами — утургурами и кутургурами. По Прокопию, утургуры, когда-то называемые иначе киммериянами, жили за Танаисом (Дон), между Понтом и Меотидой, т. е. между Черным и Азовским морями. Утургур и Кутургур — это два сына царя великого народа гуннов или киммериян. После смерти отца они разделили между собой народ, который с этого времени получил в одной своей части название утургуров, а в другой — кутургуров. Таким образом, кубанских утургуров и кутургуров Прокопий называет гуннами, но позднейшие византийские историки IX в. (Феофан и Никифор), рассказывая о кубанских кутургурах и утургурах, говорят о болгарях.

Названным авторам IX в., Феофану, Никифору и Анастасию, принадлежит и рассказ о разделении прикавказских болгар и переселении одного из их отрядов за Дунай.

Древние болгары впервые выступают в источниках во второй половине V в., в 482 г., во всяком случае позже гуннов, и выступают под своим собственным именем — болгары, в сообщении о том, что Зенон пригласил их к себе на помощь против готов. Вскоре после этого Теодорих уже нанес поражение болгарам. Первое же появление болгар на Балканском полуострове, во Фракии, относится к 499 г. С начала VI в. (502 г.) эти вторжения болгар на Балканский полуостров становятся все чаще и чаще, причем болгары выступают то самостоятельно, то вместе с гуннами, славянами и др. С этого же века, с 527 г., все чаще и чаще начинаются вторжения на полуостров, наряду с гуннами и болгарями, также славян и антов. Начиная с 535 г. источники говорят о вторжениях на полуостров гепидов, болгар, гуннов и кутригуров с Приазовья. В 558 г. впервые выступают на сцену авары под предводительством хана Баяна, а в 626 г. болгары ведут наступление против Византии уже под властью аваров, от которой болгарский народ удается освободить болгарскому князю Куврату в 635—641 гг.

Около 667 г. Куврат умер, и его держава, согласно легенде, распалась на пять частей. Во главе одной из этих частей стал третий из

его сыновей Аспарух — по греческим источникам, или Исперих — по «Именнику» древнеболгарских князей.

В 660 г. Аспарух со своей дружиной впервые появляется за Дунаем и закладывает здесь основы первого славянского государства на полуострове. Таким образом, болгары фигурируют в источниках под своим собственным племенным именем иногда рядом с гуннами, а у писателей VI в. иногда и прямо называются гуннами, о чем мы скажем подробнее несколько ниже.

Не исключена возможность, что болгары входили некогда в гуннский союз племен, но после смерти Атилы, с распадом гуннского союза, выделились из него и образовали болгарский союз, объединивший в своем составе племена, входившие ранее в гуннский союз и занимавшие территориально восточную его окраину, причем верховенство в этом союзе принадлежало болгарской дружине, а преобладающую часть его армии составляли племена славян и антов. Последние выступали против Римской империи иногда под флагом болгарского союза, а иногда и самостоятельно.

Возможно также, что вначале, т. е. после смерти Атилы и распада гуннского союза, группу племен, образовавших болгарский союз, возглавлял именно сын Атилы — Эрнак.

Таким образом, аспаруховы болгары — это народ, исторически засвидетельствованный на европейской территории, начиная со второй половины V в., имевший в древности территорией своего распространения довольно широкие пространства от Днестра и Дуная на западе и до Приазовья, Причерноморья и Покубанья на востоке, но не гунны и не какой-либо иной народ, как мы видели это выше.

Ко времени выступления болгар на Балканском полуострове, т. е. к концу V в., это — командная верхушка болгарского союза племен, объединявшего под своим верховенством разнородные этнические племена, в том числе и племена придунайских славян и антов. Только при таком истолковании исторических событий становится понятным образование в середине VII в. первой болгарской державы на полуострове так именно, как его рисуют источники. Переправившись со своей дружиной на правый берег Дуная, Аспарух в порядке договора взял под свою военную защиту семь неизвестных по имени сидевших здесь славянских племен, т. е. расширил область возглавлявшегося им болгарского союза включением в его территорию правобережной части Дуная, населенной славянскими племенами, добровольно признавшими его власть как военного вождя, обязавшегося защищать их от вражеских вторжений.

Изложенный выше материал убеждает нас в том, что отождествление древних болгар с гуннами имеет под собой так же мало оснований, как и отождествление их с турко-татарами, угро-финнами и пр. Все рассмотренные нами выше попытки исследования в буржуазной науке этногенеза древних (аспаруховых) болгар представляют собой гипотезы, построенные на случайных соображениях, а потому и недостаточно обоснованные.

VI. Этногенез древних болгар по палеолингвистическим данным Н. Я. Марра

Наиболее авторитетное разрешение вопроса об этногенезе болгарского народа принадлежит советской науке. Подробный палеолингвистический анализ именно термина болгар был дан акад. Н. Я. Марром в докладе (1925 г.) «Чуваши-яфетиды на Волге»¹⁵.

Основа этого термина — bul || bir, по Марру, «выступает в поле

¹⁵ Н. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 323, 354, 355 и сл.

зрения мировой жизни Европы за очень давние эпохи исторические, даже доисторические, притом выступает, что для нас существенно важно, в экающей форме с начальным придатком *i* или *ki* — это термины *i-ber* и *ki-mer*, две разновидности одного и того же вида, экающего спирантной группы». В качестве других разновидностей Марр называет: *K-ureg* — название острова Кипр, *Ke-mer* — название города на южном берегу Черного моря в Лазистане и т. п. Начальный придаток *i*-, *ki*-, *ku*- в племенных названиях *i-ber*, *ki-mer*, *ku-peg*, как и конечный придаток *gar* → *gar* в племенном названии *bul-gar* || *bul-gar*, представляют собой, по Марру, пережитки племенных названий: *ki-mer* — это *sku-mer*, *šumer*, представляющее собой дериват *ki-mer*'ов, *i-ber*'ов. Что касается второй части этих названий, то в ней мы имеем берское или мерское племенное название, т. е. название, которое с огласовкой *o* и налично в термине *bol-gar* || *bul-gar* и т. п., где *gar* есть архетипный эквивалент слова *qaz*, основы племенного названия *х а з а р*. Таким образом, приведенные выше термины *Ku-peg* (Кипр) — *ki-mer* — *i-ber* представляют собой скрещенные двуплеменные названия. Первичным видом (архетипом) для них будут *skumer*, а равно *škumer* или — в грузинском произношении — «чхума».

От *skumer* ведет свое начало шумер, или сумер, название известного месопотамского народа с древнейшей в мире письменностью; а от *škumer*, — во-первых, «чуваши» или «чываши» и, во-вторых, «шубаш», основная часть названия главного города у чувашей — Шубашкар¹⁶.

Вторая часть скрещенного племенного термина шумер — *mer* || *mar* представляет собой лишь разновидность экающей основы *bur* || *bul*, наличной в термине *burgar* || *bulgar*.¹⁷

Итак, *bol-gar* || *bog-gar* представляет собой, по Марру, гибридное двуплеменное название. Оно имеет ряд двойников, к которым закономерно относятся:

1) *bur-tas* — название средневекового народа, также одного круга с хазарами и чувашами, представляющее собой лишь фонетическую разновидность термина *bul-gar*;

2) *sar-mat* (*sal-mar*), где *sal* есть сибилантный вид спирантного, причем компоненты стоят в обратном порядке;

3) *qaz-var* (хазар).

Все эти племенные наименования — болгар, буртас, сармат, хазар — представляют собой номенклатурно скрещенные виды одних и тех же племенных наименований — салского и берского, но в различной последовательности: в одних случаях сал-бер (сармат, хорват, хаз(в)ар, чхумар, шумер, шубаш-чуваш-чываш), а в других — бер-сал (булгар).

Следовательно, замечает Н. Я. Марр, болгар и чуваш не только имеют в целом огласовку одной и той же категории, но составлены из фонетических разновидностей одних и тех же племенных названий — сала и бера, лишь расположенных в различной последовательности: болгар — в порядке бер-сала, а чуваш — в порядке сал-бера, как сармат, хорват и как хазар [хаз(в)ар]¹⁸.

«Без местных чувашских и сродных с ними по доисторическому в крае яфетидизму народных материалов, — говорит Н. Я. Марр, — не понять ни сказания о призвании варягов, ни племенного состава героев русского эпоса. Сказание о Рюрике, Труворе и Синеусе историзовалось в те поздние эпохи, когда в реальности истекла или протекала жизнь

¹⁶ Н. Марр. Указ. соч., стр. 354 и сл.

¹⁷ Там же, стр. 362.

¹⁸ Там же, стр. 354—364.

исторических народов — хазар и болгар, для нас ставших легендарными, полумифическими существами. Для науки по сей день легендарны и мифичны и чуваш, несомненно, народность одного круга с хазарской и болгарской, с последней из которых чуваша имеют непосредственные связи, и исторические и этнические, в такой мере, что вопрос об их отождествлении может, действительно, быть поставлен совершенно всерьез научно...»¹⁹.

На основании сравнительного палеолингвистического анализа племенных наименований чуваш, болгар, сармат, хазар Н. Я. Марр установил этногенез болгарского народа, уходящего своими корнями в далекое доиндоевропейское, яфетическое прошлое и стоящего, как и чуваш, в ряду с шумерами, салами-талами (они же италы), тусками-тушками (они же этруски) и другими народами глубокой древности.

Изложенная выше теория этногенеза болгарского народа исключает какие бы то ни было домыслы индоевропейцев о турецко-татарском, финском, гуннском и пр. происхождении аспаруховых болгар и возвращает болгарский народ самому себе. Перефразируя известные слова основоположника нашей науки Иосифа Добровского о славянах, мы могли бы сказать: болгары Аспаруха есть болгары, а не турки, не татары, не финны, не гунны и не чуваша, и по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собой народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственными этногонически с чувашами.

Процесс индоевропеизации населения восточноевропейской территории привел, повидимому, массовый болгарский народ уже в историческое время к славянизации, в то время как верхи болгарского общества были приобщены к восточной культуре господствующих классов соседей — чувашей и хазар, что диктовалось общностью их хозяйственных и политических интересов. Не исключена возможность, что процесс славянизации известной части массового болгарского населения, территориально, культурно и хозяйственно смыкавшегося с массой славянизовавшегося населения на территории Восточной Европы, начался еще до предполагаемого продвижения Аспаруха со своей дружиной на Балканский полуостров, в то время как владетельная и командная знать болгарской дружины Аспаруха уже была включена в процесс освоения какой-то иной восточной культуры, о чем говорят дошедшие до нас (ничтожные, правда) показания относительно быта и нравов командных верхов этой дружины. Словом, по своему культурному типу дружина Аспаруха, повидимому, не представляла собой ни в культурном, ни в этническом отношении какой-либо монолитности, т. е. не была однородной. Преобладающая, массовая часть ее стояла, повидимому, на стадии славянизации; командные же верхи ее во главе с Аспарухом были прозелитами какой-то культуры восточного типа, следы которой дошли до нас, в частности, в загадочной лексике знаменитого «Именника» болгарских князей, открытого в 1866 г. А. Поповым.

Над расшифрованием этого документа усердно работал ряд выдающихся русских и западноевропейских востоковедов и славистов (Гильфердинг, Иречек, Куник, Радлов, Геза-Куун, Вамбери, профессор Кембриджского университета J. V. Burg, В. Н. Златарский, J. Mikkoла и др.). Видеть в этом документе памятник культуры и языка аспаруховых болгар как народной массы мы не имеем никаких оснований: это документ господствующих классов древнеболгарского общества со

¹⁹ Н. Марр. Указ. соч., стр. 354 и сл.

следами официального языка болгарского двора и его ближайшего окружения, т. е. болгарской знати.

Только при таком допущении могут быть поняты два весьма существенных обстоятельства в истории древнеболгарского общества, перед которыми всегда с недоумением останавливалась мысль исследователя: 1) полное отсутствие каких-либо существенных следов массового языка и культуры аспаруховых болгар в языке и культуре современных болгар на полуострове и 2) быстрый процесс этнического растворения и исчезновения тех же аспаруховых болгар в массе славянского населения полуострова.

VII. Древние болгары до Аспаруха

Как бы, однако, ни разрешать вопрос о происхождении (этногенезе) древних болгар, этим еще не решается второй вопрос, пожалуй, более существенный, чем первый, а именно: что представлял собой по своему этническому составу в VII в., накануне своего вторжения на полуостров, тот народ, известный под именем болгар, во главе которого в 680 г. появился на полуострове Аспарух? Вопрос этот весьма существенен потому именно, что от того или иного решения его зависит, в какой мере нам удастся составить себе более или менее ясное и точное представление о том, как возникло на полуострове первое славянское государство — Болгария, именно славянское, а не турецко-татарское, не финское, не гуннское, не румынское и пр. Чтобы ответить на него, придется вернуться несколько назад, в историческое прошлое болгарского народа, приблизительно к V в., ко времени, предшествующему появлению на полуострове Аспаруха.

Из показаний Прокопия мы уже знаем, что на северном Прикавказье, между Азовским морем, р. Доном и северо-восточным побережьем Черного моря, у Керченского пролива, жило в это время «много гуннских народов», возглавлявшихся одним «царем», т. е. был налицо гуннский союз племен, который затем распался на две группы племен: одну группу составляли утигуры, другую — кутригуры. Западное побережье Азовского моря и Керченского пролива занимали, по Прокопию, готские народы. Показание Прокопия об утигурах и кутригурах подтверждается и другими византийскими авторами VI в. Однако, как назывался народ, распавшийся на утигуров и кутригуров, никто из этих авторов не сообщает. Прокопий называет его старым именем киммерийцев или же общим племенным именем гуннов, а Агафий и Менандр обычно прибавляют к собственному имени в качестве эпонима, племенное наименование *οὐγγοι*, и говорят *Οὐγγοι Κουτρίγουροι*, *Οὐγγοι, Οὐτιγουροι*²⁰.

В том же VI в. готский историк Йорнанд, перечисляя народы, сидевшие к востоку от Вислы и венедов, называет эстов, акациров и за акацирами, по северному побережью Черного моря, — болгар. Более детальное определение местожительства болгар, согласно данным Йорнанда, приводило В. Н. Златарского к заключению, что Йорнанд помещает болгар на том же самом месте, где Прокопий ставит своих кутригуров и утигуров. Таким образом, общим именем болгары Йорнанд называет две ветви одного и того же народа: западную — кутригуры, которые жили на запад от Азовского моря, и восточную — утигуры, которые жили на восток от того же моря. Кроме Йорнанда целый ряд других авторов VI в. также называет болгар на этой территории (Еннодий, Марцеллин Комис, Иоанн Антиохийский). Это же имя, оставшееся неизвестным византийским писателям VI в. (Прокопию,

²⁰ В. Златарски. История на българската държава през средните векове т. I, ч. I. София, 1918, стр. 31 и сл.

Агафию и Менандру), называется у византийских же писателей VII в. (например, у Феофилакта Симокаты) и VIII в.²¹

На основании имеющихся в распоряжении исследователя материалов указанных источников проф. Златарский пришел к следующим заключениям:

1) имя «болгары» имеет собирательное значение и было общим как для кутригуров, так и для утигуров, которые носили его в то время, когда были объединены под единой властью и в едином государстве, причем кутригуры — это западная ветвь болгар, а утигуры — восточная;

2) в истории болгар отмечается момент (до VI в.), когда они разделились на отдельные составные племена, главными из которых, по Прокопию, были два, называвшиеся по имени своих владетелей кутригурами и утигурами; в действительности же это были две группировки болгарских племен, во главе которых стояли два названных племени. Это событие проф. Златарский относит, на основании данных «Именника», к 437 г. С этого времени племена кутригуров и утигуров стали жить самостоятельной политической жизнью, имея каждое во главе независимого повелителя или хана. Таким образом, к середине V в. н. э. на Приазовье и Причерноморье было два союза болгарских племен: кутригуры и утигуры. Когда в это же время им удалось объединенными силами потеснить черноморских остготов, то в результате этого последние продвинулись на средний Дунай и в Паннонию, а болгары-кутригуры — на запад от Азовского моря, к Днепру, где они распространили свою власть на Таврический полуостров и захватили город Боспор (Керчь). Утигуры же остались на своих прежних местах жительствова — на северном Прикавказье.

Эти события проф. Златарский ставит в связь с восстанием 454 г. на среднем Дунае покоренных Атилиой народов против его сыновей. Во главе восстания стояли гепиды. Оно положило начало распаду Атилиовой державы. Младший из сыновей Атилы, Хернак обосновался со своей дружиной в самом крайнем районе так называемой Малой Скифии, т. е. в нынешней Добрудже, и прилегающих к ней с северо-востока районах между устьем Дуная и Днестром. Болгары-кутригуры оказались, таким образом, не только непосредственными соседями восточногуннского союза, возглавлявшегося тогда Хернаком, но, повидимому, включились в этот союз и заняли в нем ведущую роль, о чем говорят последовавшие вскоре события.

В 482 г. византийское правительство во главе с императором Зеноном (474—491), теснимое на среднем Дунае готами, впервые обратилось за помощью против готов не к гуннам, а именно к приднестровским болгарам-кутригурам, славившимся тогда своей непобедимостью, в частности, в связи с разгромом черноморских остготов. Болгары пошли навстречу приглашению Зенона, но военное счастье на этот раз им изменило: в 485 г. они были разбиты готами (Теодорих).

Таким образом, к концу V в. в непосредственном соседстве с Византией, на северо-восток от ее балканской территории, между южным левобережьем Дуная (захватывая частично и правобережье — северную Добруджу) и Днестром вырастает на месте гуннского союза новый союз племен, возглавлявшийся болгарами-кутригурами, т. е. болгарский союз. Какие местные племена входили в состав этого союза, неизвестно. Во всяком случае основное ядро его населения и его военной силы составляли, несомненно, какие-то местные племена, прямые потомки славных некогда даков и гетов, вероятно, те самые племена, которые впоследствии были известны на этой же территории под име-

²¹ В. Златарски. Указ. соч., стр. 34—38.

нем: сначала антов, а затем славянских племен уличей и тиверцев.

Повидимому, эти именно отдаленные события прошлого нашли свое отражение на страницах «Киевского летописца», где говорится: «Словенску же языку, якоже рекохом, живущо на Дунаи, придоша от Скуф рекше от Козар, рекоми Българе, и седоша по Дунаеви, и на- сильници словенем быша...». «А Уличи и Тиверьци седяху по Днестру, и приседяху к Дунаеви. И бе множество их: седяху бе преже по Бъгу и по Дънепру оли до моря, и суть гради их до сего дъне, да то ся зъваху от грък «Великая Скуфь»²².

С конца V в. (493 г.) начинаются грабительские вторжения болгар-кутригуров на территорию Византии — во Фракию, Иллирию, Македонию, Эпир и Фессалию. Правительство Анастасия I (491—518 гг.) было бессильно справиться с болгарами, безнаказанно грабившими и разорявшими полуостров. В целях охраны столицы от угрожавших ей варваров Анастасий построил так называемую «длинную стену», которая начиналась у Деркона на Черноморском побережье и заканчивалась у Силиврии на Мраморном море. В правление Юстина I (518—527 гг.) болгарские вторжения на полуостров прекращаются (520 г.), а со вступлением на престол Юстиниана I (527—565 гг.) болгарско-византийские отношения принимают мирный союзнический характер.

В 528 г. вождь болгар-кутригуров, по греческой терминологии $\beta\eta\gamma\epsilon$, Грод, прибыл в Константинополь и принял христианство. Крестным отцом его был Юстиниан. Но когда Грод, богато одаренный византийским правительством и снабженный военной поддержкой в виде специального отряда испанцев под начальством трибуна Далмация, вернулся к себе на родину и повел борьбу против языческого культа, он был убит и его преемником был провозглашен его брат Мугал.

Народное восстание охватило и подвластный болгарам Боспор, где восставшие уничтожили византийский гарнизон вместе с трибуном Далмацием. Для ликвидации восстания Юстиниан в 530 г. направил в Боспор сильный военный отряд под главным начальством Комита Ивана и командиров отряда Годила и Бадуария. Восставшие принуждены были бежать, и Боспор вновь был закреплен под властью Византии. После этого болгары возобновили свои вторжения на полуостров и стали опустошать Фракию.

Правление Юстиниана, как известно, было заполнено вторжениями на византийскую территорию из-за Дуная славян и антов. Одновременно со славянскими вторжениями и независимо от них продолжались и вторжения болгар, отмеченные в 535, 538 и 539 гг.

Будучи не в состоянии собственными силами справиться с болгарскими вторжениями, византийское правительство прибегло к своей традиционной тактике: оно вступило в сношения с приазовскими утигурами и направило их против кутригуров. Вождь утигуров Сандилх нанес кутригурам на северном Причерноморье катастрофическое поражение, в результате чего кутригуры, грабившие полуостров, заключили, по предложению Византии, соглашение на выгодных для последней условиях и поспешили, не причиняя вреда византийским владениям, покинуть византийские пределы и вернуться на родину.

После этого набеги болгар-кутригуров на Византию возобновляются только в 558 г. Под предводительством Завергана огромные силы болгар, не встречая никакого отпора со стороны византийцев, производят ужасающие опустошения на полуострове и забирают богатую добычу, в том числе и множество пленных. В это время болгары действовали тремя армиями: одна была направлена Заверганом на Элладу, дру-

²² А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, II., 1906, стр. 11 и сл.

гая — на Галлипольский полуостров, третья в составе семи тысяч конницы имела назначение нанести непосредственный удар по Константинополю. Во главе третьей армии стоял сам Заверган. Ввиду того, что византийская армия частью находилась в Испании, частью в Италии и частью в Африке, беззащитная столица империи оказалась в крайне угрожаемом положении. Юстиниан обратился за помощью к престарелому полководцу Велизарию, который и стал во главе наскоро сколоченной армии из дворцовой охраны и окрестного крестьянского населения, наводнившего собой в эти дни столицу. Рядом искусно замаскированных действий Велизарию удалось наголову разбить двухтысячный передовой конный отряд неприятеля, напавший на его лагерь, и тем самым произвести панику в войске Завергана, в результате чего болгары отступили от Константинополя. Неудачей закончились и болгарские экспедиции на Галлиполи и в Элладу.

Собрав остатки своих армий, Заверган, расположившись лагерем неподалеку от столицы, у Аркадиополя и Черлу, предложил византийскому правительству уплатить болгарам такую же сумму денег, какую они платили утигурам, угрожая в противном случае всех переколоть. Юстиниан охотно пошел на это предложение, и болгары удалились за Дунай, где вновь подверглись жесточайшему нападению со стороны натравленных на них византийским правительством утигуров²³.

VIII. Болгарский хаган Кубрат и его сыновья

В середине VI в. на территорию северного Прикавказья вторгается из Центральной Азии народ уйгурского племени, известный у византийцев под именем авары или псевдоавары. Через посредство кавказских аланов (ясы — русских летописей) предки осетинов авары вступили в союзные отношения с Византией, от которой получили богатые подарки, а также ежегодную субсидию и обещание предоставить в их распоряжение на византийской территории «плодоносную землю» для поселения. Исполняя свои союзные обязательства перед византийским правительством, авары разгромили и подчинили своей власти ряд враждебных Византии варварских народов: савиров, звалов и др., а затем, в 568 г., также и болгар — утигуров и кутригуров. Во главе аваров в это время стоял хаган Баян.

Подчинившись власти аваров, кутригуры лишились своей политической независимости и в составе аварского союза продвинулись вместе с аварами с Черноморского побережья на средний Дунай. В это же время, около 567 г., восточная ветвь болгарского народа — утигуры, продолжавшие оставаться на своих старых местах на северном Прикавказье, подпала на короткое время под власть западных турок (хаган Сильзивул).

Восстановление независимости болгар-утигуров связывается с именем вождя утигуров Курт, или Кубрат, из династии Дуло (584—642 гг.). Кубрат вырос и получил воспитание при византийском дворе, где во время турецкого вторжения он нашел себе приют вместе с дядей Органом (Гостуном), и еще в детстве был обращен в христианство. Когда после смерти турецкого хана Сильзивула (около 576 г.) западнотурецкое владычество в прикавказских и приазовских владениях стало быстро падать, византийское правительство (Тиверий, 578—582 гг.), угрожая в Боспоре и Херсонесе со стороны турок, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, оказало поддержку молодому правомочному наследнику болгарского престола, и он был водворен в своих наследственных утигурских владениях, расположенных в области

²³ В. Златарски. Указ. соч., стр. 39—70.

р. Кубани, по северным склонам Среднего Кавказа, в качестве царя или хана. По хронологическим исчислениям проф. В. Н. Златарского, восстановление независимости болгарской державы утигуров относится к 582—584 гг.²⁴

Поддерживая постоянные добрососедские отношения с Византией и пользуясь взаимной поддержкой со стороны византийского правительства, Кубрат объединил под своей властью не только распавшиеся в связи с турецким завоеванием болгарские утигурские племена, но продолжил свою объединительную политику и далее на запад, в район Приазовья и Причерноморья, между Доном и Днестром, т. е. на территорию кутригуров, которые выступают теперь у византийских авторов под именем котрагов. Как мы знаем из предыдущего изложения, болгары-кутригуры находились в это время под властью аварского хагана. Объединительная деятельность Кубрата привела к образованию «старой великой Болгарии» — *ἡ παλαιά μεγάλη βουλγαρία*, занимавшей обширную территорию, начиная от северных склонов Среднего Кавказского хребта, р. Кубани, Приазовья и Причерноморья — на востоке и вплоть до низовьев Днестра на западе.

В 642 г. Кубрат умер. Его преемником на болгарском престоле, согласно данным «Именника», был старший из пяти сыновей Безмер, в действительности носивший имя Батбаяна, или Баяна. Многоплеменное государство Кубрата просуществовало недолго. Уже спустя десять месяцев после его смерти произошел раздел его владений между сыновьями, хотя они и продолжали еще некоторое время признавать верховную власть Безмера.

В 646 г., однако, братья уже окончательно отложились от него, и государство Кубрата распалось, что, повидимому, стояло в связи с нашествием хазар. Старший из сыновей Кубрата Батбаян или Баян, он же Безмер, остался на своем старом месте, в отцовских владениях на Кубани, во главе болгарского племени или союза племен, носившего имя *купи-булгар*. Его постигла участь, которой удалось избежать братьям: владения его были завоеваны хазарами, сам он лишился политической независимости и превратился в данника хазарского хагана. Эти приазовские и кубанские болгары были известны у арабско-персидских писателей под именем «внутренних болгар», в русском летописании — под именем «черных болгар».

Второй из сыновей Кубрата, называемый у византийских авторов Феофила и Никифора (IX в.) племенным именем *Котраг*, избежав хазарского завоевания, ушел во главе союза племен кочобулгар на северо-восток от старых отцовских владений, на Волгу, где в X в. при его преемниках возникло Волжско-камское болгарское царство со столицей Болгар на месте теперешнего с. Болгары (с. Успенское Спасского района Татарской АССР). У арабских писателей эти болгары известны под именем «внешних болгар», в русской летописи — под именем «волжских» или «серебряных болгар». Четвертый и пятый из сыновей Кубрата ушли на запад, в Европу: четвертый сын Кубер — в Паннонию, под власть аваров; пятый в Пентополи на Адриатическом побережье, южнее г. Равенны, под власть византийского императора.

О Кубере источники говорят, между прочим, что, будучи феодальным князем в Аварии и вассалом аварского хагана, он поднял восстание против своего сюзерена, разбил его и во главе с народом, состоявшим из варваров, — болгар и ромеев-варваров, т. е. множества аварских ромеев-пленников и их младшего поколения, переправился через Дунай и обосновался в области славянского племени драговитов на Керамисийском, или Битольском поле в Македонии. Здесь с ведома

²⁴ В. Златарски. Указ. соч., стр. 90.

византийского правительства он закрепил за собой участок византийской территории и в качестве вождя или главы народа керамисийцев основал небольшое варварское государство. События эти относятся к 670—675 гг.²⁵

IX. Аспарух и образование первого Болгарского государства на полуострове

Третий по возрасту из сыновей Кубрата, Аспарух, он же Эсперих, Исперих, Испор и Аспар-Хрук, занимавший со своим союзом болгарских племен — уногундурами, повидимому, наиболее восточные районы Кубратовой державы, угрожаемые в первую очередь со стороны наступавших хазар, ранее других братьев покинул пределы своей родины и в середине VII в. вместе со своей дружиной ушел на запад, переправился через Днепр и Днестр и обосновался в устье Дуная, на острове Певки. По описаниям византийских географов, это был самый южный и самый крупный из островов в дельте Дуная, в настоящее время уже не существующий. По своему географическому положению и природным условиям остров Певки представлял собой естественный, природой укрепленный, неприступный для неприятеля пункт. Несмотря на это, на острове болгары укрепили свой лагерь высоким земляным окопом. Этот укрепленный лагерь на языке болгар носил название Огъл, которое проф. Златарский сближает с турецко-кавказским агъл — «огороженное место», «двор», «ограда»²⁶.

Следы этого аспарухова Огъла видны и до сих пор в северо-западной части территории бывшего острова Певки, у с. Николицел, несколько южнее нынешнего г. Исакача на нижнем Дунае. Судя по этим данным, пространство аспарухова «внутреннего лагеря» не превышало 1 км²; вся же территория на бывшем острове Певки, окруженная окопом, охватывала пространство в 48,3 км²; это дает основание проф. Златарскому утверждать, что численность аспаруховой дружины, с которой он занял Певки, была незначительной и состояла из нескольких десятков тысяч человек и что часть его «народа» продолжала оставаться в южной Бессарабии²⁷, где он впервые обосновался после своего выселения из прикавказской родины, окружив свою территорию и здесь окопами. Следы последних предположительно сохраняются до сих пор в так называемых Южно-бессарабском пограничном окопе и Галацком окопе, которые продолжали оставаться северной границей аспаруховой Болгарии и после его продвижения за Дунай, на византийскую территорию.

Эти окопы дают основание болгарскому историку высказать предположение, что Аспарух (Исперих) прожил на бессарабской территории довольно продолжительное время и, вероятно, предполагал остаться здесь навсегда²⁸. Однако угрожаемый с востока хазарами, а с запада и северо-запада — аварами, Аспарух, повидимому, не чувствовал себя на занимаемой им территории на левобережье нижнего Дуная достаточно гарантированным от угрожавшей ему опасности со стороны востока и запада и, памятуя старые дружеские болгаро-византийские отношения при отце, обратился к византийскому правительству (Константин II, 642—668 гг.) с просьбой предоставить ему землю для поселения на византийской территории на союзнических началах с признанием верховной власти византийского императора.

²⁵ В. Златарски. Указ. соч., стр. 132.

²⁶ В. Златарски. Указ. соч., стр. 114—122, 148—150, 155—160.

²⁷ Там же, стр. 133.

²⁸ В. Златарски. Указ. соч., стр. 134.

Византийское правительство, озабоченное организацией надлежащей охраны наиболее угрожаемого со стороны варварских вторжений на полуостров участка своей территории, охотно пошло навстречу предложениям Аспаруха и предоставило в его распоряжение для поселения территорию острова Певки на северо-западной окраине нынешней Добруджи, что, повидимому, произошло еще при жизни Константина II, т. е. до 668 г.

После смерти Константина II (убитого в Сиракузах во время похода в Италию, в 668 г.) и с вступлением на византийский престол Константина IV Погоната (668—685 гг.), Византийская империя оказалась в катастрофическом положении. Неудачная война в Италии, начатая в 662 г., вновь вспыхнувшая в 665 г., и такая же неудачная война с арабами в Африке и в Малой Азии, угрожавшими столице империи с суши и с моря и державшими ее в осаде вплоть до 677 г., сосредоточивали все внимание и все силы византийского правительства на вопросах самосохранения против угрожавшего ее существованию опаснейшего неприятеля, каким были арабы.

Этими обстоятельствами воспользовался Аспарух: он самочинно продвинул свои владения с острова Певки на юг внутрь Добруджи, вплоть до линии Черна-вода на Дунае и Кюстенджа на Черноморском побережье, и огородил свою новую территорию окопом, который шел от Дуная до Черного моря. Византийское правительство в это время было бессильно предпринимать какие-либо меры против болгар, но когда в 677 г. арабы сняли осаду столицы и отступили, Константин Погонат снарядил специальную экспедицию против болгар, которая, однако, закончилась разгромом и бегством византийской армии.

Воспользовавшись этой удачей, Аспарух продвинул свои владения еще далее на юг, в область г. Варны, как на территорию, наиболее стратегически выгодную для поселения: на севере она была защищена течением Дуная, на востоке — Черным морем, на юге — восточными отрогами главного Балканского хребта (Стара Планина) с легко защищаемыми горными проходами. Около нынешнего села Абоба, расположенного несколько севернее г. Шумена на Каспиченском плато, Аспарух построил для себя укрепленный военный лагерь, или «агъл», т. е. «город», в древнем смысле этого слова, окружив его высоким окопом и рвом. Этот «город» был первой столицей болгарских владетелей, получившей впоследствии имя Плиска (Плисков).

Однако болгаро-византийские политические отношения до сих пор оставались неоформленными, вследствие чего положение Аспаруха и его владений на полуострове продолжало находиться под постоянной угрозой всяких неприятных неожиданностей со стороны Византии. Чтобы положить конец этому ненормальному положению, Аспарух военным нажимом на соседние византийские районы заставил византийское правительство заключить в 679 г. с болгарами мир с обязательством выплачивать им ежегодную дань. Таким образом, в 679 г. было положено не только *de facto*, но теперь уже и *de jure* начало первого Болгарского государства на полуострове — Болгарии, получившей свое имя от имени того народа, который в лице Аспаруха и его дружины явился мощной, хорошо организованной военной силой, реализовавшей фактически уже сложившееся к этому времени в среде местного славянского населения соотношение сил в связи с классовым распадом и ликвидацией родовых отношений.

Х. Аспарух и славяне

Таким образом, исходной территорией Аспаруха в его продвижении на византийскую территорию была прежде всего придунайская и при-

черноморская область на левом побережье Дуная в границах, определяемых на западе Галацким окопом и р. Прутом, на севере — Южно-бессарабским пограничным окопом, на юге — нижним течением р. Дуная. Ко времени появления на этой территории в середине VII в. Аспаруха с его дружиной эта территория уже не представляла собой пустыни, а была заселена массами в основном славянского населения, вероятно, с вкрапленными в его среду кое-где остатками старых болгар-кутригуров, если таковые не успели еще к этому времени окончательно раствориться в массе окружавшего их славянского населения. Это население смыкалось территориально со славянским населением северо-восточного правобережья Дуная, организованным, как мы уже знаем, в союз племен в составе семи неизвестных по имени отдельных племен. Это обстоятельство вскрывает наиболее важную страницу в истории образования аспаруховой Болгарии на полуострове, требующую специального рассмотрения.

Территория, занятая первоначально Аспарухом на северо-восточном левобережье Дуная, входила некогда в состав гуннского союза, откуда в византийской традиции могла сложиться легенда о гуннском происхождении болгар, о болгарях-гуннах или гунно-болгарах, не имевшая в исторической и этнографической действительности никаких для себя оснований.

Болгарин Аспарух явился в придунайскую область со своей болгарской военной дружиной. Мы исключаем в подобных случаях всякую возможность говорить о «народе» со всем его живым и мертвым инвентарем, со всеми его чадами и домочадцами, потому что не представляем себе конкретно возможности, чтобы массовый народ так легко снимался со своих старых, насиженных мест на родине, как это легко было сделать любому дружиннику-предпринимателю и его ближайшему окружению, состоявшему из таких же предпринимателей, в поисках военной добычи и богатств в чужих краях. Это не означает, конечно, что дружина Аспаруха не имела с собой никакого багажа, что она пустилась в столь далекое и весьма рискованное предприятие без всяких запасов бытового и военного снабжения, без перевозочных средств, без лошадей и скота, без обслуживающего персонала, наконец, без семей дружинников и их вождей, — но это все же была дружина, а не народ.

С частью именно этой дружины, усиленной, вероятно, свежим значительным славянским пополнением на северо-востоке от Дуная, Аспарух и явился около 660 г. на полуостров, где еще более усилил свою дружину местным славянским элементом.

Что представляла собой военная дружина Аспаруха? Несомненно, вначале то же самое, что и всякая иная дружина в племенном варварском обществе на данном этапе развития его производительных сил и социальных отношений. Вначале это были частные добровольческие военно-дружинные объединения, группировавшиеся вокруг своего вождя, занимавшиеся под его руководством грабежом и содействовавшие возникновению впоследствии королевской власти. «После завоевания Римской империи, — говорит Энгельс о германских дружинных объединениях и их вождях, — эти дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую из главных составных частей позднейшего дворянства»²⁹. Такой же по своему характеру и организации и такой же по своему развитию, т. е. в своей диалектике в связи с развитием племенного общества, перераставшего в союз племен и в государство, была и болгарская военная дружина Аспаруха.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 122.

На той переходной стадии от племенного союза к государству, на которой история застаёт болгарское общество Аспаруха на полуострове, его военная дружина, оставаясь попрежнему добровольческой организацией, уже не была, однако, примитивной грабительской дружиной начальных периодов родового строя, но представляла собой складывавшийся или уже сложившийся, хорошо организованный и хорошо технически вооруженный корпус лейб-гвардии Аспаруха и в то же время высший командный класс славянско-болгарского общества, разбогатевший на своих военно-грабительских авантюрах. Об этом совершенно ясно говорят, в частности, археологические данные раскопок военного лагеря и первой столицы Аспаруха, Плиски. Этот корпус и выделил из себя болгарское дворянство, господствующий правящий класс аспаруховой державы.

В какой же роли явился Аспарух со своей дружиной на Балканский полуостров, в район, заселенный славянами, в славянскую племенную среду, в местное славянское общество, представлявшее собой довольно значительное союзноплеменное объединение с характерным для него социальным строем и социальными отношениями?

То обстоятельство, что местные славяне не оказали Аспаруху никакого сопротивления при его вторжении на их территорию, совершенно ясно говорит о том, что вторжение Аспаруха на полуостров было предварительно согласовано им не только с византийским правительством, но и с местным славянским населением в лице его племенных вождей или их племенного совета, а быть может, явилось и в результате соответственной славянской инициативы. Во всяком случае, первые же административные мероприятия Аспаруха, выразившиеся в территориальном перераспределении славянских племен по наиболее угрожаемым районам — на западе со стороны аваров и на юге со стороны греков, в целях укрепления определенных стратегических пунктов, по свидетельству Феофана, было произведено *ὁπό πάλτον*, т. е. на основании договора. Это доказывает, что славянский союз племен принимал, таким образом, меры самозащиты против угрожающих ему с северо-запада и с юга неприятелей, т. е. меры политического самоопределения.

В жизни славянского общества на полуострове это был, несомненно, момент уже сложившегося перерастания союза племен в народ и в государство, что стояло в тесной связи с наличием сложившихся здесь к тому времени в недрах местного славянского союзноплеменного общества соответственных социальных предпосылок в виде роста частной собственности и значительного классового распада. Славянские родоплеменные жупаны в это время уже перерастали в крупных частных собственников, землевладельцев и скотоводов, и сосредоточивали в своих руках большие материальные богатства. Таким образом, опираясь на показания византийских авторов VI в. Прокопия и стратега Маврикия, мы имеем все основания предполагать, что славянское общество на полуострове в смысле своего социального строя представляло собой в это время, т. е. к первой половине VII в., организацию, в которой частная собственность уже пустила глубокие корни и нанесла решительный удар по первобытным семейнородовым отношениям, подготовив переход к новым, феодальным отношениям, и к новому, феодальному строю.

Таким образом, выросшие в процессе возникновения и накопления частной собственности и классового распада общества новые производственные отношения подготовили и у придунайских славян на полуострове все условия, необходимые для ликвидации родовых отношений и возникновения новых феодальных отношений и феодаль-

ного государства. Болгария, как первое славянское государство на полуострове, возникла в процессе внутренних социальных сдвигов в среде не болгарского, а именно местного славянского общества, но свое политическое имя она получила по этническому имени своего первого династа, который, опираясь на мощную военную силу местного же славянского населения, в 679 г. оформил международное положение страны и ее населения специальным договором с Византией.

Страна была названа Болгарией, вероятнее всего, потому, что это название давно уже и хорошо было известно в Византии по дружественной ей кавказской Болгарии Кубрата, ввиду чего это имя не только не внушало византийскому правительству никаких страхов, но, напротив, давало большие надежды на традиционные добрососедские, союзнические отношения и военную помощь против северных варваров, тем более что представлял страну и ее народ в данном случае непосредственно сын почтенного и испытанного старого друга Византии, Кубрата. К тому же и сам Аспарух, выступая перед византийским правительством, сознательно отказался на первых порах от каких-либо агрессивных намерений по отношению к Византии; он настаивал только на предоставлении ему территории для поселения и обеспечении за нею права неприкосновенности и на выплате ему, по старой традиции византийско-варварских отношений, ежегодной субсидии, превращавшейся, по существу, ввиду своей ежегодности, в дань, которой византийское правительство, с одной стороны, откупалось от варвара, а с другой, — покупало его дружбу и военный союз. Несомненно, все эти обстоятельства хорошо учитывал и Аспарух, оказавшийся в данном случае хорошим дипломатом, не постеснявшимся с переменой международной политической обстановки резко изменить общую линию своих отношений с Византией и мирный тон своих первых разговоров с византийским правительством переменить на тон решительных требований, поддержанных силой оружия, что и заставило византийское правительство принять безоговорочно все требования Аспаруха и в 679 г. заключить с ним договор, которым создавалось первое славянское государство на полуострове — Болгария.

Таким образом не Аспарух со своей пестрой по этническому составу дружиной явился создателем первого славянского государства на полуострове, а местное славянское общество, т. е. сам славянский народ. Аспарух состоял в его распоряжении, у него на службе, в качестве военного агента и военной силы, что, совершенно естественно и неминуемо для классового общества, очень быстро привело к узурпации Аспарухом и его дворянством политической власти и к господству над местной славянской племенной знатью. Если же эта знать вступила в договорные отношения с Аспарухом, то это потому, что она была, повидимому, хорошо знакома с ним уже и раньше, так как он сидел неподалеку от нее, по ту сторону Дуная, в среде родственного ей славянского же населения; потому, что Аспарух нужен был главарям балканских славян, как готовая, хорошо организованная военная сила, в качестве защиты их владельческих интересов на юге против Византии и на западе против аваров; потому, что в союзе с балканскими славянами нуждался и сам Аспарух: этот союз расширял сферу его влияния на правобережье Дуная, создавал новый источник для пополнения его богатств, укреплял его военную мощь и тем самым давал ему возможность, перенеся свою военную базу на византийскую территорию и пользуясь поддержкой местного славянского населения, увереннее разговаривать с византийским правительством. И он охотно, по приглашению славянских племенных вождей,

передвинул свой военный лагерь за Дунай, на союзную территорию местных славянских племен, не порывая вместе с тем связей и с левобережными славянами.

Согласно показаниям источников, Аспарух обосновался на правобережной территории нижнего Дуная (Добруджа, Делиорман, Герилово), занятой союзом семи славянских племен, неизвестных в отдельности по своим племенным наименованиям, а также племенем северян *по пактов*, на основании специального договора (пакта) с местными славянскими вождями. Содержание этого пакта нам неизвестно, но можно предполагать, что оно сводилось к взаимным обязательствам, в силу которых Аспарух принял на себя функцию военного вождя и в союзе правобережных славянских племен, которым угрожали с северо-запада авары, а с юга — ромей, т. е. византийцы, что создавало для южнодунайских славян более сложную политическую обстановку, чем та, в которой жили левобережные придунайские славяне, угрожаемые в это время только со стороны аваров.

Таким образом, перенося свою военную базу с северного побережья нижнего Дуная на территорию южного побережья, Аспарух, как подчеркнули мы выше, расширял свои военные функции и становился теперь, на основе специального договора с правобережными дунайскими славянами, военным вождем и северных и южных придунайских славян, составлявших в целом один и тот же славянский народ и говоривших на одном и том же славянском языке.

Утвердившись таким образом на правобережье Дуная в качестве военного вождя или князя местного союза славянских племен, Аспарух, как мы отметили выше, немедленно предпринял ряд мероприятий оборонительного характера, направленных как против аваров на северо-западной территории правобережных задунайских славян, так и против Византии — на южной территории, производя ряд перемещений отдельных славянских племен в наиболее угрожаемые в смысле неприятельских вторжений районы.

Что представляла собой в это время в культурном и этнически-бытовом отношении дружина Аспаруха? Мы имеем все основания предполагать, что старое основное болгарское ядро было представлено в ней весьма незначительным количественно элементом, и притом преимущественно в составе командной дружинной верхушки, т. е. ближайшего окружения Аспаруха; масса же аспаруховых дружинников была значительно, если не исключительно, пополнена славянским элементом. Вопрос о том, какого элемента к 679 г. в дружине Аспаруха было больше: старого ли — болгарского или нового — славянского, мы оставляем открытым ввиду отсутствия в нашем распоряжении необходимых данных для какого-либо конкретного ответа на него; но вопрос этот, естественно, встанет перед нами, если мы примем во внимание все частности славяно-болгарских отношений, которыми сопровождалось водворение Аспаруха на территории балканских славян.

Таким образом, можно думать, что в культурном и этнически-бытовом отношении дружина Аспаруха весьма немногим отличалась от местного массового славянского населения. Более глубокая разница в этих отношениях вначале могла существовать только между местным массовым славянским населением и аспаруховым дворянством, т. е. командной верхушкой аспаруховой дружины, составлявшей его совет и окружавшую его свиту. Но и в среде этого социального слоя аспарухова общества очень скоро в связи с политическими успехами Аспаруха и его ближайших преемников должна была неизбежно образоваться значительная славянская прослойка из местной славянской знати по той причине, что болгарское ядро аспарухова дворянства с каждым годом убывало все больше и больше, а интересы управления террито-

риально разраставшимся с каждым новым правителем государства требовали, напротив, его пополнения; это пополнение неизбежно шло по линии роста в составе аспарухова дворянства славянского элемента.

Границы аспаруховой Болгарии, т. е. первого славянского государства на полуострове, образовавшегося формально в 679 г., были следующие: на востоке — устье р. Днестра и побережье Черного моря в южном направлении вплоть до предгорий Старой Планины; может быть, по предположению проф. Златарского, до устья р. Камчии и Камчийской возвышенности; на юге, начиная от Черноморского побережья, граница шла по главному Балканскому хребту (Стара Планина) вплоть до р. Огоста, затем по этой реке до с. Хайредин, откуда по окопу к северу до самого Дуная. Северную границу аспаруховой Болгарии, предположительно по археологическим данным, составляла линия, которая начиналась на западе у Дуная, несколько южнее г. Турну Северин (с. Хиново), пересекала всю Валахию и заканчивалась на востоке у Дуная же, несколькими километрами южнее г. Браилова. Отсюда она шла в северном направлении по Дунаю, затем по р. Серету до Галацкого окопа (в 12 км от устья Серета), по Галацкому окопу до р. Прут, по Пруту до с. Вордулуй-Исак, потом на восток по Южнобессарабскому окопу вплоть до озера Кундук, расположенного несколько северо-восточнее вилковского устья Дуная, и, наконец, предположительно, вдоль Черноморского побережья через р. Днестр к р. Бугу, а может быть, и далее на восток вплоть до хазарской границы³⁰.

Возникшее в 679 г. первое болгарское государство просуществовало до 1018 г., когда Византии удалось, наконец, после долгих усилий и настойчивой борьбы ликвидировать его и превратить в свое наместничество.

Возникновение аспаруховой державы в пределах Византийской империи было фактом большого прогрессивного значения. Византийская империя VI—VII вв. еще оставалась государством с рабовладельческим строем. Славяно-болгарское государство Аспаруха, возникшее на территории Византийской империи, несло с собой новый способ производства. Славяне вместе с болгарскими уничтожили рабовладельческий строй и положили начало новой общественно-экономической формации — феодализму. В этом отношении варварское славяно-болгарское государство в известной степени обновило Византийскую империю, нанесло удар дряхлеющему рабовладельческому строю Византии и ускорило процесс образования феодальной общественно-экономической формации. Варвары — болгары и славяне содействовали обновлению Византии, уничтожив в ней рабовладельческий строй. В этом отношении славяно-болгарское государство Аспаруха и борьба его с Византией являются прогрессивным фактом в развитии человеческого общества. Все попытки рабовладельческой Византии сломить и задержать рост молодого феодализирующегося славянского государства, естественно, потерпели полную неудачу, несмотря на то, что она располагала большими материальными и военно-техническими возможностями.

Внутреннее положение Болгарии за это время характеризуется: 1) борьбой за политическое преобладание между болгарской и славянской группировками в недрах племенных верхов болгарской и славянской обществ, борьбой, обострившейся на почве чужденационального угнетения и закончившейся, в конце-концов, победой славянской племенной знати; 2) борьбой за власть между представителями отдельных болгарских родов, выдвигавших своих династов (Дуло, Вокил, Угаин); 3) территориальным расширением государства со включением

³⁰ В. Златарски. Указ. соч., стр. 151—154.

в его состав значительной массы славянского населения полуострова; 4) укреплением внутренней и внешней мощи государства и ростом его культурного оборудования по византийским образцам, как великой державы, в соответствии с огромным ростом ее внешнего могущества; 5) одновременно с этим — зарождением и нарастанием в массах славянского крестьянского населения страны, угнетаемого эксплуатацией господствующих классов, широкого социального движения религиозно-рационалистического характера, известного под именем богомилства.

Борьба верхов славянской племенной знати против чуженационального угнетения уже к концу IX в., в правление князя Бориса-Михаила (852—888 гг., умер в 907 г.), закончилась победой славянского элемента. Эта победа стояла в тесной связи с территориальным ростом государства и с включением в его состав все новых и новых территорий, населенных славянами, и явилась естественным результатом быстрого растворения численно убывавшего болгарского элемента в численно нараставшей массе славянского населения государства. Эта же победа славянского элемента в среде правящих верхов болгарской государственности знаменовала собой ликвидацию этнического дуализма внутри славяно-болгарской государственности, т. е. ликвидацию внутренних классово-национальных противоречий, что несомненно содействовало стабилизации внутренней политической и культурной жизни молодого государства и его международных отношений. Эта ликвидация этнического дуализма внутри болгарской общественности нашла себе отражение, в частности, в том, что к началу X в. со страниц документов и литературных памятников, когда они говорят о Болгарии и болгарском народе, исчезает различие: славяне и болгары, славянский язык и болгарский язык и т. п., и на сцену выступают только термины: болгары, болгарский народ и болгарский язык как символы славянского народа и славянского языка.

Таким образом, древние аспаруховы болгары, независимо от этнической принадлежности своего основного командного ядра, очень рано исчезли в массе славянского народа. Они сошли с исторической сцены, оставив, однако, свое имя государству и объединенному этим государством (в своих политических границах) в один народ, разрозненному до тех пор, многоплеменному славянскому населению полуострова.

Существует, однако, предположение, что аспаруховы болгары физически не исчезли, но продолжают до сих пор жить на полуострове в народе гагаузы в восточной Болгарии (Г. Занетов, 1902) или в дельтиорманских турках, так называемых гаджалах и гагаузах (Карл и Герменегильд Шкорпилы, 1896, 1933—1934). Мнение это, однако, встретило серьезные возражения со стороны специалистов-языковедов (проф. Милетич, 1935; лектор турецких языков Гаджанов, 1911; проф. Краковского университета Ковальский) и не получило в науке признания³¹.

³¹ Подробнее на эту тему см. нашу статью «О наименовании и этнической принадлежности гагаузов», где указана основная литература предмета, в журн. «Советская этнография», 1937, № 1.